

оригинальная статья

Алекситимия и удовлетворенность потребности в безопасности у студенческой молодежи в доковидный период и период пандемии

Белашева Ирина Валерьевна
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия,
Ставрополь
<https://orcid.org/0000-0002-1289-2224>
magistratura_ioisn@mail.ru

Олексюк Мария Евгеньевна
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия,
Ставрополь

Поступила в редакцию 28.02.2022. Принята после рецензирования 17.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: Изучено влияние ситуации пандемии COVID-19 на удовлетворенность комплексной потребности в безопасности через призму представленности и выраженности признаков алекситимии у студенческой молодежи. Представлены две линии сравнения: показатели алекситимии и связанные с ней параметры субъективного благополучия, эмоционального интеллекта и эмоциональных барьеров в общении в контексте их влияния на удовлетворенность потребности в безопасности у студентов с алекситимией в доковидный период и период продолжения пандемии; у студентов с алекситимией и без признаков алекситимии в период продолжения пандемии. Использование в сравнительном анализе методов математической статистики (угловое преобразование Фишера и t-критерий Стьюдента) позволило определить у студентов в период пандемии общие тенденции нарастания алекситимических проявлений и неудовлетворенности потребности в безопасности, особенно в стабильности, предсказуемости и защищенности от внешнего мира на фоне дезактуализации потребности быть любимым. Обнаружено, что связанная с алекситимией несформированность параметров эмоционального интеллекта, особенно отражающих уровень понимания собственных эмоциональных состояний и возможность ими управлять, способствует формированию ощущения нестабильности окружающего мира, сопряженного с неудовлетворенностью потребности в безопасности и состоянием субъективного неблагополучия. Ситуация пандемии, не оказывая значительного влияния на эмоциональные компетенции и навыки, способствует развитию состояния субъективного неблагополучия у алекситимиков. В большей степени отрицательная динамика затрагивает кластер значимости социального окружения, когда студенты с алекситимией чувствуют себя одинокими, не могут обратиться за помощью, избегают общения с семьей или друзьями.

Ключевые слова: алекситимия, эмоциональный интеллект, эмоциональные барьеры общения, потребность в безопасности, субъективное благополучие, пандемия

Цитирование: Белашева И. В., Олексюк М. Е. Алекситимия и удовлетворенность потребности в безопасности у студенческой молодежи в доковидный период и период пандемии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 413–419. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-413-419>

full article

Alexithymia and Security Need Satisfaction in University Student Youth in the Pre-Covid Period and during the Pandemic

Irina V. Belasheva
North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol
<https://orcid.org/0000-0002-1289-2224>
magistratura_ioisn@mail.ru

Maria E. Oleksyuk
North Caucasus Federal University, Russia, Stavropol

Received 28 Feb 2022. Accepted after peer review 17 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Annotation: The study featured the impact of COVID-19 pandemic on the need for security in students with alexithymia. The authors compared indicators of alexithymia, subjective well-being, emotional intelligence, and emotional communication barriers 1) in students with alexithymia in the pre-COVID period and during the pandemic and 2) in students with alexithymia and control group during the pandemic. The research involved such mathematical statistics methods as Fisher's angular transform (ϕ) and Student's t-test. The data processing revealed an increase in the alexithymic manifestations and dissatisfaction with the need for security, especially in stability, predictability, and protection from the outside world against the background of deactualization of the need to be loved. Poor emotional intelligence associated with alexithymia reflected the level of understanding of one's own emotional states and the ability to control them. It resulted in a sense of global instability,

associated with dissatisfaction with the need for security and a state of subjective distress. The pandemic had no significant impact on emotional competencies and skills but contributed to the development of subjective distress in alexithymics. The negative dynamics affected the cluster of social environment significance: students with alexithymia felt lonely, could not seek help, and avoided communication with family or friends.

Keywords: alexithymia, emotional intelligence, emotional communication barriers, need for security, subjective well-being, pandemic

Citation: Belasheva I. V., Oleksyuk M. E. Alexithymia and Security Need Satisfaction in University Student Youth in the Pre-Covid Period and during the Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 413–419. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-413-419>

Введение

В контексте обострившихся кризисных общественных явлений XXI в. существует необходимость в новом взгляде на современный мир и на то пространство, которое занимает в нем человек, и соответственно в актуализации новых исследований проблем жизнеосуществления человека, среди которых важное значение имеет удовлетворенность потребности в безопасности [1].

Кризисные явления в современном обществе обусловлены целым рядом факторов, среди них: неэкологичная перестройка социально-политических и финансово-экономических отношений, эскалация международных конфликтов, несформированные ориентиры для предстоящего развития, цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности человека и общества, появление нового вируса COVID-19 с последующим объявлением пандемии [2] и ограничительных мер. В этих условиях у населения ожидаемо повышается общий фон тревожности, обостряются коллективные страхи и проспективная рефлексия, развиваются и усложняются психологические защитные механизмы, изменяются формы поведения в стрессовых ситуациях, депривируется потребность в социальной безопасности, снижается удовлетворенность настоящим и отсутствует уверенность в будущем [3].

В своем исследовании мы сделали акцент на ситуации пандемии COVID-19, последствия которой связаны с психологическими эффектами, представляющими, по мнению ряда авторов [4], угрозу безопасности, жизни и здоровью населения. Возникающая в условиях пандемии когнитивная и коммуникативная депривация может приводить к накоплению alexitimических проявлений [5] в виде затруднений понимания и словесного описания своих и чужих эмоций, состояний, телесных ощущений [6]; снижения способности к символизации (фантазиям); дефицита эмоциональных реакций [7], склонности к конкретному мышлению. Часто alexitimию рассматривают как фактор риска при возникновении психосоматических расстройств [8], как результат несформированности эмоциональных компетенций и навыков [9], как защитоподобный механизм человека от непереносимых аффектов, стрессовых и травмирующих ситуаций [10]. Alexitimия может сопутствовать аутизации, тревожность, депрессивность, а также снижение удовлетворенности

потребности в социально-психологической безопасности [11; 12]. О. С. Васильева и Э. В. Гаус к перечисленным компонентам alexitimического пространства личности добавляют низкие показатели субъективного благополучия [13].

Особый интерес вызывают переживания и отсроченные реакции на изменения формата жизнедеятельности при пандемии у студенческой молодежи как особой социально-профессиональной группы, с особым образом жизни и социальным статусом, ценностными ориентациями и культурными нормами, отличающейся высокой психологической и социальной сензитивностью и ориентированной на свободное проявление своей активности [14]. Примечательно, что ряд авторов отмечают распространенность alexitimических проявлений среди молодежи [15; 16]. В контексте нашего исследования, направленного на анализ влияния ситуации пандемии COVID-19 на удовлетворенность комплексной потребности в безопасности через призму представленности и выраженности признаков alexitimии у студенческой молодежи, это ставит дополнительные задачи определения динамики компонентов alexitimического пространства личности молодого человека в условиях нестабильности социальной и эпидемиологической среды.

Методы и материалы

Исследование проведено на базе Северо-Кавказского федерального университета. Общая выборка респондентов составила 120 человек в возрасте 17–22 лет. Первый этап исследования – 2018 г., доковидный период; второй этап – 2021 г., период продолжения пандемии COVID-19. Представлены две линии сравнения: 1) показатели субъективного благополучия, удовлетворенности потребности в безопасности, alexitimии, эмоциональных барьеров в общении и эмоционального интеллекта в доковидный период и период продолжения пандемии; 2) у студентов с alexitimией и без признаков alexitimии.

Использовались следующие психодиагностические методики: Торонтская шкала alexitimии (TAS-20) Дж. Тейлор [17]; шкала субъективного благополучия в адаптации М. В. Соколовой [18]; методика оценки удовлетворительности потребности в безопасности О. Ю. Зотовой [19; 20]; опросник эмоционального

интеллекта (ЭмИн) Д. В. Люсина [21]; методика диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении В. В. Бойко [22]. В качестве методов математической статистики использовалось угловое преобразование Фишера (φ) и t-критерий Стьюдента.

Результаты

Анализ результатов исследования показал некоторое увеличение распространенности алекситимии у студенческой молодежи в период пандемии с 30 % до 36 %. Трудности с описанием чувств (одно из проявлений алекситимии) у студентов с алекситимией в период пандемии возросли на 11,5 % по сравнению с доковидным периодом. Различия между результатами исследований в доковидный период и период пандемии находятся в зоне статистической значимости (t-критерий Стьюдента – 3,2; $p \leq 0,01$).

Анализ удовлетворенности комплексной потребности в безопасности показал, что у студентов с алекситимией в период пандемии она не удовлетворена в 100 % случаев, в доковидный период – в 53,3 %. При этом в большей степени у них актуализирована потребность в стабильности, предсказуемости и в защищенности от внешнего мира. Резко снизилась потребность быть любимым (по-видимому, не актуализируется у алекситимиков в условиях тревожности и стрессовой ситуации). В то же время анализ удовлетворенности комплексной потребности в безопасности у студентов без алекситимических проявлений показал актуализацию потребности быть любимым, а также быть защищенным

от чрезвычайных ситуаций и от опасностей враждебного мира. Актуальна у студентов этой группы и потребность в стабильности, но в меньшей степени, чем у алекситимиков. Значимость различий по удовлетворенности потребности в безопасности в период пандемии и доковидный период между студентами с алекситимией и без алекситимии статистически достоверна (t-критерий Стьюдента – 3,1; $p \leq 0,01$).

Анализ результатов диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении (табл. 1) показал, что в период пандемии у студентов с алекситимией чаще наблюдаются сложности в установлении контактов с другими людьми в связи с переживанием негативных эмоций: у 55,5 % алекситимиков эмоции явно мешают установлению контактов, у 44 % – осложняют повседневное взаимодействие с другими людьми. В целом в период продолжения пандемии у всех студентов с алекситимией диагностированы проблемы с межличностным общением. Тенденции нарастания проблем с межличностным общением в связи с негативным эмоциональным статусом в период пандемии, по сравнению с доковидным периодом, обнаружены и у студентов без алекситимических проявлений, но они выражены в меньшей степени.

В табл. 2 представлены результаты статистического анализа достоверности различий по эмоциональным барьерам в межличностном общении у студентов с алекситимией и без нее в период продолжения пандемии COVID-19, а также у студентов с алекситимией в доковидный период и период пандемии. Различия между студентами-алекситимиками и студентами без алекситимии (в период продолжения

Табл. 1. Частотный анализ показателей методики диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении (В. В. Бойко) у студентов с алекситимией и без алекситимии за 2018 г. и 2021 г., %

Tab. 1. Emotional barriers in interpersonal communication by V. V. Boyko's method in students with and without alexithymia in 2018 and 2021, %

Этап	Степень влияния эмоций на повседневное поведение								Количество человек	
	13 и более баллов		9–12 баллов		6–8 баллов		до 5 баллов			
	А	К	А	К	А	К	А	К	А	К
2018 (доковидный период)	40	24	53,3	44	6,7	24	–	4	15	25
2021 (период пандемии)	55,5	28,2	44,4	45,4	–	20	–	6,4	18	22

Прим.: А – группа лиц с алекситимией, К – контрольная группа.

Табл. 2. Сравнительный анализ (критерий Фишера) результатов диагностики эмоциональных барьеров в межличностном общении (В. В. Бойко) у студентов с алекситимией и без алекситимии за 2018 г. и 2021 г.

Tab. 2. Emotional barriers in interpersonal communication (V. V. Boyko) in students with and without alexithymia in 2018 and 2021:

Fischer's criterion

Степень влияния эмоций на повседневное поведение	Студенты с алекситимией и без алекситимии (2021)	Студенты с алекситимией (2018 и 2021)
13 и более баллов	$\Phi^*_{\text{эмп}}=5,657$	$\Phi^*_{\text{эмп}}=2,206$
Зона значений	Зона значимости	Зона неопределенности
9–12 баллов	$\Phi^*_{\text{эмп}}=0,085$	$\Phi^*_{\text{эмп}}=1,259$
Зона значений	Зона незначимости	Зона незначимости

пандемии), набравшими максимальное количество баллов (13 и более) в пользу явных эмоциональных барьеров в общении, статистически значимы. Различия между студентами с признаками алекситимии в доковидный период и период пандемии по обсуждаемому показателю статистически незначимы. Качественный анализ показателей методики диагностики барьеров в межличностном общении В. В. Бойко обнаружил, что в сравнении со студентами без алекситимии у студентов-алекситимиков в большей степени выражены нежелательность эмоционального сближения, доминирование негативных эмоций, некоторая дефицитарность и ригидность эмоциональных проявлений. Эти тенденции характерны и для доковидного периода исследований и для исследований в период пандемии.

В связи с тем, что одними из основных проявлений алекситимии в аффективной сфере являются несформированные способности к дифференцировке эмоции от неопределенных физиологических ощущений, а также затрудненность вербализации эмоциональных состояний и чувств, логично предположить наличие различий по параметрам эмоционального интеллекта, связанным с осознанием, пониманием и управлением собственными эмоциями и эмоциями других людей, между студентами с алекситимией и без нее. Однако вопрос о динамике показателей эмоционального интеллекта у студентов-алекситимиков в условиях пандемии COVID-19 и ее влияния на удовлетворенность потребности в безопасности является открытым, несмотря на то, что в исследованиях И. В. Белашевой (2014) [23] была доказана связь параметров эмоционального интеллекта с системой психологической безопасности личности (через корреляции с показателями психологической устойчивости и толерантности) и с психологическим благополучием личности [24].

Анализ результатов нашего исследования показал (табл. 3), что в группе студентов с алекситимией параметры эмоционального интеллекта статистически значимо менее сформированы, чем в группе студентов без алекситимии. Это отмечается как в доковидный период, так и в период пандемии. У студентов с алекситимией обнаруживается другой профиль эмоционального интеллекта, определяемый через анализ

шкальных значений методики ЭмИн Д. В. Люсина с применением t-критерия Стьюдента, по сравнению со студентами без алекситимии: в структуре ЭИ алекситимиков в большей степени сформированы способности к управлению эмоциями, а у студентов без алекситимии – способности к пониманию эмоций. В то же время не обнаружена статистически значимая динамика отдельных показателей эмоционального интеллекта у студентов с алекситимией (равно как и у студентов без алекситимии) в период с 2018 г. по 2021 г. (значения t-критерия находятся в зоне незначимости).

Анализ показателей субъективного благополучия в группе студентов с алекситимией показал (табл. 4), что в доковидный период они находились в зоне неблагополучия, в целом характеризующегося наличием депрессивных и тревожных тенденций, пессимистической замкнутостью и плохой переносимостью стрессовых ситуаций. Однако по кластерам напряженности и чувствительности, признакам психопатологической симптоматики студенты алекситимики находились в зоне умеренного благополучия. В период пандемии наблюдается нарастание признаков субъективного неблагополучия по всем кластерам, а по кластеру значимости социального окружения студенты с алекситимией обнаруживают выраженный эмоциональный дискомфорт – не могут обратиться за помощью, чувствуют себя одиночками, не испытывают удовольствие, находясь с семьей или друзьями [25]. Отрицательная динамика субъективного благополучия от доковидного периода к периоду пандемии подтверждается значениями t-критерия Стьюдента.

Студенты без алекситимии в доковидный период исследований демонстрировали умеренное субъективное благополучие на уровне эмоционального комфорта, однако по кластеру напряженности и чувствительности они находились в зоне неблагополучия (испытывали давление учебы, нежелание просить кого-то о помощи, потребность в уединении). В период пандемии субъективное благополучие студентов без алекситимии ухудшилось до умеренного уровня без полного эмоционального комфорта, однако по кластеру самооценки здоровья наблюдаются более значимые ухудшения – они не чувствуют себя здоровыми и бодрыми.

Табл. 3. Результаты диагностики эмоционального интеллекта (ЭмИн Д. В. Люсина) у студентов с алекситимией и без алекситимии в 2018 г. и 2021 г.

Tab. 3. Emotional intelligence (EMIN by D. V. Lyusin) in students with and without alexithymia, 2018 and 2021

Шкалы ЭИ	А, средний балл		t	К, средний балл		t	t по группам А и К, 2021
	2018	2021		2018	2021		
МЭИ	25,9	25,3	0,4	36,3	36,1	0,1	4,8**
ВЭИ	22,2	28,8	2,6	37,6	36,2	0,6	3,7**
ПЭ	24,3	26,8	1,2	38,2	37,5	0,3	5,8**
УЭ	27,5	29,2	0,9	37	35,8	0,5	3**
ОЭИ	24,7	27,5	1,8	37,3	36,4	0,4	4,3**

Прим.: А – группа лиц с алекситимией; К – контрольная группа; ЭИ – эмоциональный интеллект; МЭИ – межличностный ЭИ; ВЭИ – внутриличностный ЭИ; ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями; ОЭИ – общий ЭИ; ** – $p \leq 0,01$.

Табл. 4. Результаты диагностики показателей субъективного благополучия (по методике А. А. Рукавишникова) у студентов с алекситимией и без алекситимии в 2018 г. и 2021 г.

Tab. 4. Subjective well-being (A. A. Rukavishnikov) in students with and without alexithymia, 2018 and 2021

Кластеры	А, средний балл		t	К, средний балл		t	t по группам А и К, 2021
	2018	2021		2018	2021		
Напряженность и чувствительность	75,3	89,6	1,8	79	72,3	1,4	2,9**
Признаки психоэмоциональной симптоматики	74,3	89,6	1,9	65,6	74	1,8	2,7 (зона неопределенности)
Изменения настроения	93	94,5	0,3	54,5	50	1,1	9,9**
Значимость социального окружения	84	100	3,1**	70	70,3	0,1	5**
Самооценка здоровья	85	93	1,6	62	85,5	5,4**	1,9
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	83	91,3	1,6	66,6	51	2,9	8,4**
Общий показатель	83,6	88,3	0,8	47,7	51,3	1	7,5**

Прим.: А – группа лиц с алекситимией; К – контрольная группа; ЭИ – эмоциональный интеллект; ** – $p \leq 0,01$.

Сравнительный анализ показателей субъективного благополучия у студентов с алекситимией и без нее в период пандемии показал значимые различия: алекситимия сопровождается субъективным неблагополучием вплоть до ощущения выраженного эмоционального дискомфорта. В период пандемии у алекситимиков на 19 % возросла напряженность и чувствительность, на 20,6 % усилились признаки, сопровождающие основную патологическую психоэмоциональную симптоматику; на 19 % снизилась значимость социального окружения, на 9,4 % – самооценка здоровья, на 10 % – степень удовлетворенности повседневной деятельностью.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют, что алекситимические тенденции у студентов в период пандемии нарастают. Вместе с ними увеличивается неудовлетворенность потребности в безопасности, особенно в области стабильности, предсказуемости и защищенности от внешнего мира на фоне резкой дезактуализации потребности быть любимым. Этому способствует наличие выраженных эмоциональных барьеров в межличностном общении: в связи с переживанием негативных эмоций алекситимикам трудно устанавливать контакты с другими людьми.

С алекситимией связана несформированность параметров эмоционального интеллекта, особенно его внутриличностного компонента, отражающего уровень осознанности своих эмоциональных состояний и возможность ими управлять. Недифференцированные состояния эмоционального напряжения способствуют формированию

ощущения нестабильности окружающего мира, сопряженного с неудовлетворенностью потребности в безопасности и состоянием субъективного неблагополучия. Ситуация пандемии, не оказывая значительного влияния на эмоциональные компетенции и навыки, усугубляет состояние субъективного неблагополучия алекситимиков. Особенно это отражается на кластере значимости социального окружения, когда студенты с алекситимией чувствуют себя одинокими, не могут обратиться за помощью, избегают общения, находясь с семьей или друзьями.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Белашева – концептуализация идеи, формулирование целей и задач исследования; разработка методологии; курирование данных; формальный анализ; применение статистических, математических методов для анализа или синтеза данных исследования; подготовка и презентация работы. М. Е. Олексюк – проведение процесса эмпирического исследования.

Contribution: I. V. Belasheva developed the research concept, objectives, and methods, processed the data, performed the formal analysis, applied statistical and mathematical data analysis and synthesis, and wrote the article. M. E. Oleksyuk performed the empirical research.

Литература / References

1. Асмолов А. Г., Иванников В. А., Магомед-Эминов М. Ш., Гусейнов А. А., Донцов А. И., Братусь Б. С. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения. *Человек*. 2020. Т. 31. № 4 С. 7–40. [Asmolv A. G., Ivannikov V. A., Magomed-Eminov M. Sh., Guseinov A. A., Dontsov A. I., Bratus B. S. Cultural-historical activity psychology in extreme situation: the pandemic challenge. Discussion. *Chelovek*, 2020, 31(4): 7–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S023620070010929-8>
2. Чекменева Т. Г. Кризисы в общественном развитии: теоретический аспект. *Вестник Воронежского государственного технического университета*. 2010. Т. 6. № 12. С. 103–106. [Chekmenyeva T. G. Crises in social development: theoretical aspect. *Bulletin of Voronezh State Technical University*, 2010, 6(12): 3–5. (In Russ.)]
3. Баева И. А., Емелин Н. М. К вопросу о критериях психологической безопасности личности. *Психологическая культура и психологическая безопасность в образовании: мат-лы Всерос. конф. (Москва, 27–28 ноября 2003 г.)* М., 2003. С. 107–109. [Baeva I. A., Emelin N. M. Criteria for psychological security of the person. *Psychological culture and psychological security in education: Proc. All-Russian Conf., Moscow, 27–28 Nov 2003*. Moscow, 2003, 107–109. (In Russ.)]
4. Dontsov A. I., Zinchenko Yu. P., Perelygina E. B., Dontskaya O. A. The relationship between vectors of psychological security and identity continuity. *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development*. Vol. 64. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Future Academy, 2019, 123–129. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.16>
5. Брель Е. Ю. Возможности изучения факторной структуры алекситимического пространства. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 82–92. [Brel E. Y. Possibilities of studying the factor of alexithymic space. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, 68: 82–92. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/5>
6. Трунов Д. Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2010. № 2. С. 93–99. [Trunov D. G. The types and mechanisms of functional alexithymia. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia*, 2010, (2): 93–99. (In Russ.)]
7. Mohamed B. E. S., Ahmed M. G. A. E. Emotional intelligence, alexithymia and suicidal ideation among depressive patients. *Archives of Psychiatric Nursing*, 2022, 37: 33–38. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2021.12.002>
8. Гараян Н. Г., Холмогорова А. Б. Концепция алекситимии (обзор зарубежных исследований). *Социальная и клиническая психиатрия*. 2003. Т. 13. № 1. С. 128–145. [Garanyan N. G., Kholmogorova A. B. The concept of alexithymia: a review of foreign publications. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*, 2003, 13(1): 128–145. (In Russ.)]
9. Москачева М. А., Холмогорова А. Б., Гараян Н. Г. Алекситимия и способность к эмпатии. *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. № 4. С. 98–114. [Moskacheva M. A., Kholmogorova A. B., Garanyan N. G. Alexithymia and empathy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2014, (4): 98–114. (In Russ.)]
10. Зубарева Н. С., Мазуренко Я. А. Взаимосвязь выраженности алекситимии с психологическими защитами личности. *Наука. Технологии. Инновации: сб. науч. тр. конф. (Новосибирск, 3–7 декабря 2018 г.)* Новосибирск: НГТУ, 2018. Ч. 8. Гуманитарные науки и современность. С. 177–181. [Zubareva N. S., Mazurenko Ya. A. The relationship between the severity of alexithymia and the psychological defenses of the individual. *Science. Technology. Innovations: Proc. Sci. Conf., Novosibirsk, 3–7 Dec 2018*. Novosibirsk: NSTU, 2018, Pt. 8: Humanities and modernity, 177–181. (In Russ.)]
11. Brel E. Y., Kozlova N. V. Psychological prevention of alexithymia of schoolchildren in the context of alexithymic space. *ICPE 2018 – International Conference on Psychology and Education*, Moscow, 25–26 Jun 2018. Moscow: Future Academy, 2018, 155–159. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.11.02.17>
12. Vaouli P., Panayiotou G. Alexithymia and autistic traits: associations with social and emotional challenges among college students. *Frontiers in Neuroscience*, 2021, (15). <https://doi.org/10.3389/fnins.2021.733775>
13. Васильева О. С., Гаус Э. В. Взаимосвязь уровня алекситимии с уровнем психологических защит и составляющими психологического благополучия. *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2017. Т. 15. № 1. С. 5–16. [Vasilyeva O. S., Gaus E. V. The interrelation of alexithymia level with the level of psychological protections and components of psychological well-being. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*, 2017, 15(1): 5–16. (In Russ.)]
14. Belasheva I. V., Gapich A. E., Yesayan M. L., Polshakova I. N., Soloveva E. V. Psycho-emotional state of students during covid-19 pandemic self-isolation period in the context of socio-demographic factors. *Revista on line de Política e Gestão Educacional*, 2021, 25(esp.2): 981–1000. <https://doi.org/10.22633/rpge.v25iesp.2.15281>
15. Азлецкая Е. Н., Игнатенко В. А. Распространенность алекситимии в юношеском возрасте. *Мировые научные исследования и разработки в эпоху цифровизации: XV Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 25 ноября 2021 г.)* Ростов н/Д: Южный университет (ИУБиП), 2021. С. 454–457. [Azletskaia E. N., Ignatenko V. A. Alexithymia in adolescence. *World research and development in the era of digitalization: Proc. XV Intern. Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 25 Nov 2021*. Rostov-on-Don: SU (IMBL), 2021, 454–457. (In Russ.)]

16. Костина Л. А., Кубекова А. С. Алекситимия как фактор риска социально-психологической дезадаптации студентов медицинского вуза. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 4-1. С. 56–62. [Kostina L. A., Kubekova A. S. Alexithymia as a risk factor of social and psychological disadaptation of medical university students. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, 8(4-1): 56–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2019.44.4.037>
17. Старостина Е. Г., Тэйлор Г. Д., Квиати Л. К., Бобров А. Е., Мошняга Е. Н., Пузырева Н. В., Боброва М. А., Ивашкина М. Г., Кривчикова М. Н., Шаврикова Е. П., Бэгби М. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2010. Т. 20. № 4. С. 35–36. [Starostina E. G., Taylor G. D., Quilty L. K., Bobrov A. E., Moshnyaga E. N., Puzyreva N. V., Bobrova M. A., Ivashkina M. G., Krivchikova M. N., Shavrikova E. P., Bagby R. Zh. A new 20-item version of the Toronto Alexithymia Scale: validation of the Russian language translation in a sample of medical patients. *Sotsial'naiia i klinicheskaia psikhiaitriia*, 2010, 20(4): 35–36. (In Russ.)]
18. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия: руководство. 2-е изд. Ярославль: Психодиагностика, 1996. 14 с. [Sokolova M. V. *Scale of subjective well-being: leadership*. 2nd ed. Yaroslavl: Psykhodiagnostika, 1996, 14. (In Russ.)]
19. Зотова О. Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2011. № 4. С. 84–91. [Zotova O. Yu. Need for safety with different social and economic groups. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2011, (4): 84–91. (In Russ.)]
20. Зотова О. Ю. Безопасность личности как социально-психологический феномен. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2011. 593 с. [Zotova O. Yu. *Personal security as a socio-psychological phenomenon*. Ekaterinburg: Gumanitar. un-t, 2011, 593. (In Russ.)]
21. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИН. *Психологическая диагностика*. 2006. № 4. С. 3–22. [Lucin D. V. A new measure for emotional intelligence: Emotional Intelligence Questionnaire. *Psikhologicheskaia diagnostika*, 2006, (4): 3–22. (In Russ.)]
22. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинъ, 1996. 472 с. [Boiko V. V. *The energy of emotions in communication: a look at yourself and others*. Moscow: Filin, 1996, 472. (In Russ.)]
23. Белашева И. В. К вопросу о динамике психологической безопасности личности в поликультурной образовательной среде современной школы и вуза. *Психологическая безопасность личности в поликультурной среде жизнедеятельности*: сб. тр. конф. (Ставрополь, 10 апреля 2014 г.) Ставрополь: Тэсэра, 2014. С. 3–8. [Belasheva I. V. Dynamics of psychological security in the multicultural academic environment in modern school and university. *Psychological security of the individual in the multicultural environment of life*: Proc. Sci. Conf., Stavropol, 10 Apr 2014. Stavropol: Tesera, 2014, 3–8. (In Russ.)]
24. Avsec A., Belasheva I., Cenek J., Khan A., Mohorić T., Takšić V., Zager Kocjan G. Cross-cultural and gender measurement invariance of the intrapersonal and interpersonal emotional competence questionnaire. *Psychological Topics*, 2020, 29(1): 167–190. <https://doi.org/10.31820/pt.29.1.10>.
25. Полянский А. И., Быковская Л. И. Алекситимия у современной молодежи: особенности проявлений у студентов технических и гуманитарных направлений подготовки. *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 2. С. 77–87. [Polyansky A. I., Bykovskaya L. I. Alexithymia in modern youth: features of its manifestations in technical and humanities students. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 2020, (2): 77–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.2.5>